

Глава 2

Работа по дому

Сюй Чжичжоу с трудом, но поверил.

— Ладно, надо нарубить дров и поскорее вернуться домой, пока солнце не начало припекать, — сказал он, берясь за топор.

Брат Сунь, видя, что настроение друга немного улучшилось, с облегчением улыбнулся.

— Да, нужно поторопиться.

Все они были незамужними гэ'эрами. Пока родители и братья работали в поле, они занимались домашними делами. Косить траву, рубить дрова, ухаживать за птицей, готовить еду — всё это было их обязанностью. А когда начиналась страда, им приходилось и в поле выходить. Спину гнуть от зари до зари, с весны до зимы.

На руках Сюй Чжичжоу уже были мозоли. Он нарубил корзину дров, но ладонь от топора уже ныла. Он работал, делая передышки. Остальные гэ'эры, закончив, попрощались и ушли — дома их ждала другая работа.

Брат Сунь, нарубив дров, собрал на горе мыльные бобы, чтобы постирать на реке бельё для всей семьи. В дни посевной одежда его отца и братьев была вся в грязи, а соломенные сандалии изнашивались вмиг.

Обычно они носили простую рабочую одежду из пеньки — короткие куртки с узкими рукавами и штаны, чтобы было удобнее работать. Цвет был натуральный, небелёный. Пенька была двух видов: рами, которая хоть и кололась, но была очень прочной, и лён, более мягкий, но садившийся после стирки. В «Записках историка» говорилось: «Грубая ткань, скроенная для работы, короткая и узкая».

Жители деревни Цишань в основном носили одежду из пеньки: для работы в поле — из рами, в обычные дни — из льна. В каждой семье в сундуке хранилась и нарядная одежда — для праздников, свадеб и походов в гости.

— Чжичжоу, я пошёл, — сказал брат Сунь.

Сюй Чжичжоу кивнул. Его корзина была наполнена лишь наполовину. Когда друг ушёл, он посмотрел на небо и, вздохнув, снова принялся за работу. Когда корзина наконец наполнилась, солнце уже стояло в зените, и злость в душе Сюй Чжичжоу разгорелась с новой силой. Он специально устроил сцену, чтобы Сун Чансуй погнался за ним и нарубил дров, а он бы отдохнул, но этот недотёпа всё испортил.

Вернувшись домой, Сюй Чжичжоу зачерпнул ковшом воды и залпом выпил, пытаясь унять злость. Он посмотрел на своё отражение в кадке с водой.

— Ну вот скажите, он что, слепой? Не видит своего счастья, дурень.

В семье Сюй не было сыновей, только два гэ'эра. Старший брат ушёл с родителями в поле, а ему сегодня досталось носить воду, готовить, стирать, косить траву и ухаживать за птицей.

Сюй Чжичжоу зашёл в свою комнату. Она была прибрана. На столе лежал недошитый мешочек и шкатулка для украшений. В шкатулке, правда, почти ничего не было: серебряная шпилька с маленькой жемчужиной — предмет зависти всех местных гэ'эров, — несколько лент для волос, браслет из красных бобов и три искусственных цветка.

Сюй Чжичжоу фыркнул. Эту шпильку он выпросил у родителей, устроив истерику в городе Шуйбо. Он плакал, катался по земле и отказывался уходить, пока ему её не купят. Хотя в семье и были кое-какие сбережения, покупать тринадцатилетнему гэ'эру серебряную шпильку было слишком расточительно. Если бы не его находчивость, не видать бы ему этой шпильки. Он закрыл шкатулку. Он помнил, что в выкупе от семьи Сун были серебряные украшения, но мать лишь мельком показала их и убрала до свадьбы.

Пришло время готовить обед. Сюй Чжичжоу не был искусным поваром, лучше всего у него получались луковые лепёшки. Сегодня он решил замесить тесто на лепёшки, сварить кашу из диких овощей и подать к этому солёня.

Крестьяне уходили в поле с утра пораньше, а в полдень, когда солнце начинало палить, возвращались домой, обедали и отдыхали, чтобы потом снова выйти на работу.

Сун Е и Лян Су с самого утра были в поле, их старший сын Сун Минъянь помогал им. Ближе к полудню он отложил мотыгу.

— Отец, мать, я пойду приготовлю обед.

— Иди, — махнула рукой Лян Су.

В семье было десять му плодородных заливных полей и пять му обычной земли. На заливных полях выращивали рис, что после уплаты налогов приносило около пяти лянов серебра в год. На остальной земле сажали овощи, фрукты и ещё немного риса. Урожая хватало и для себя, и на продажу в городе. Жизнь была сытной и спокойной. Но содержание одного ученика обходилось недёшево.

Раньше у семьи Сун было тридцать му хорошей земли, и многочисленные родственники помогали друг другу. Но к поколению Сун Е в семье остались только Сун Минъянь и Сун Чансуй, да и небеса не баловали. Несколько лет назад была засуха, и они едва выжили.

Многие крестьяне тогда продали свои наделы и пошли в арендаторы к помещикам, что было сродни рабству. Семья Сун тоже продала несколько му земли, чтобы пережить трудные времена.

Сун Минъянь, отложив мотыгу, сразу пошёл на кухню разжигать огонь. «Странно, — подумал он, — Чэн'эра до сих пор нет». Ребёнок любил играть, и Сун Минъянь, вытерев пот, решил, что голод сам приведёт его домой.

Он развёлся и вернулся с сыном Сюй Чэном в родительский дом. К счастью, его приняли, иначе он не знал бы, как им выжить. Вернувшись, он понимал, что младший брат недолгоблывает его. Он, женатый гэ'эр, не должен был сидеть на шее у родителей. Два лишних рта в доме, да и его развод бросал тень на репутацию семьи. Младший брат его презирал.

Поняв это, Сун Минъянь старался не попадаться ему на глаза и велел Сюй Чэну не мешать дяде заниматься. Он чувствовал себя в родном доме как на иголках, но был благодарен и за это. По крайней мере, здесь их кормили и не били. Он лишь постоянно ощущал, что обременяет семью.

Он старался делать всю работу по дому и ел совсем немного.

Сун Минъянь принялся перебирать овощи. Он решил приготовить жареную зелень, несколько пресных лепёшек, поджарить соевые бобы и сделать салат из маринованных бобов.

Закончив с готовкой, он вышел во двор посмотреть, не вернулся ли Сюй Чэн. Не увидев сына, он уже собирался вернуться на кухню, как вдруг заметил его покрасневшее личико в дверях одной из комнат.

— Чэн-гэ'эр, я же просила тебя не мешать дяде заниматься. Почему ты не слушаешься? — встревожился Сун Минъянь и тут же подтащил сына к себе.

Сюй Чэн съёжился. Он был худеньким, с желтоватым лицом, но глаза его, словно чёрные виноградины, были живыми и блестящими. С первого взгляда он не казался красивым, но присмотревшись, можно было заметить тонкие черты.

Он протянул руку, на ладони у него лежал кусочек белого, нежного пирожного, пахнущего молоком.

— Дядя сам меня позвал, — прошептал он, — и угостил пирожным «Облачный ломтик».

— Я съел один кусочек, а этот взял для папы. Это пирожное такое вкусное, — сказал Сюй Чэн, с наслаждением вспоминая вкус.

Утром, покормив птицу, он увидел, как дядя вернулся и заперся в своей комнате. Отец велел не

мешать дяде, и Сюй Чэн привык, что тот почти не выходит. Но сегодня всё было иначе. Дядя позвал его к себе и стал расспрашивать о разном. Сюй Чэн хоть и боялся дядю, но на все его вопросы ответил.

Сун Чансюй просмотрел книгу наспех, и многое уже забылось. От Сюй Чэна он узнал основные сведения. Династия, в которой он оказался, называлась Нинсин, и правил ею девятый император, Пинцзин. Он взошёл на трон в десять лет, и пока он был слаб, страной управляли регенты и вдовствующая императрица Сяо. В этом году императору исполнилось двадцать. Сун Чансюй также узнал, что в этом мире есть мужчины, женщины и гэ'эры. Гэ'эры, как и женщины, могли выходить замуж и рожать детей.

Он получил доступ к воспоминаниям прежнего владельца тела, но они в основном касались учёбы. Вся семья возлагала на него большие надежды, но из воспоминаний он понял, что тот учился спустя рукава, больше заботясь о том, чтобы пустить пыль в глаза. Гордый и в то же время неуверенный в себе, высокомерный и ленивый.

Он позвал Сюй Чэна, чтобы расспросить о деревенских делах. В древности, при огромных территориях и плохих дорогах, власть правительства была ограничена, и в деревнях всем заправляли старейшины. Крестьяне, находясь на низшей ступени общества, в случае беды обращались за помощью к ним. Только сплотившись, они могли выжить. Сун Чансюй читал историю о том, как деревня, расположенная ниже по течению, воевала с деревней выше по течению за воду, и обе стороны понесли большие потери. Это показывало, что в таких маленьких общинах выжить можно было только сообща, и человеческие отношения играли огромную роль.

— Ешь, — сказал Сун Чансюй, протягивая Сюй Чэну пирожное со стола.

Сюй Чэн сначала не решался, но видя, что дядя не возражает, робко взял кусочек. Уходя, он набрался смелости и взял ещё один — для отца.

— Ладно, иди помоги отцу следить за огнём, скоро обедать, — сказал Сун Минъянь, не принимая пирожное и веля сыну съесть его самому.

Он нерешительно постоял у двери комнаты Сун Чансюя, но потом всё же вернулся на кухню. То, что брат был добр к Чэн-гэ'эру, наполнило его сердце радостью. Отец Сюй Чэна не любил его за то, что он был гэ'эром. В родительском доме Чэн-гэ'эр тоже боялся дядю. И то, что брат проявил к нему немного тепла, было для Сун Минъяня большим счастьем.

Сюй Чэн принёс табуретку и сел у очага, подбрасывая дрова.

— У дяди такая большая комната, — сказал он. — Гораздо больше нашей.

— Дяде нужно учиться, поэтому комната должна быть большой. К тому же, он скоро женится, и они будут жить вдвоём, — объяснил Сун Минъянь.

— Значит, у меня будет дядя-супруг! — Сюй Чэн был одновременно и рад, и напуган. Он надеялся, что новый родственник будет к нему добр, но боялся, что тот его не полюбит.

Тем временем Сун Чансюй, не подозревая, что они обсуждают его свадьбу, сидел над книгой. Он смотрел на древние иероглифы, и голова у него шла кругом. К счастью, в этой династии уже использовали знаки препинания, иначе от сплошного текста у него бы в глазах потемнело. Знания, полученные в университете, пригодились — по крайней мере, он не был совсем неграмотным. Неожиданное трудоустройство в древности. Сун Чансюй горько усмехнулся.

<http://bllate.org/book/13427/1195434>